

ИНСТИТУТЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ КИРГИЗСКОЙ ОРДЫ В НИЖНЕВОЛЖСКОМ ФРОНТИРЕ

Черник М.В.

Черник Мария Владимировна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: chernik-max@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей организации и функционирования институтов судебной власти Внутренней киргизской орды после ее вхождения в состав Российской империи.

Система судоустройства и судопроизводства киргизов (казахов) после вхождения Орды в состав российского государства стала частью общеимперской судебной системы, сохранив при этом ряд национальных особенностей. В ходе постепенного усиления контроля государства, статус данной территории в судебном отношении менялся: от автономии до полного контроля над судоустройством и судопроизводством со стороны российского правительства. Главная функция судебной власти – осуществление правосудия постепенно сосредотачивается в руках чиновников Министерства внутренних дел и Министерства юстиции.

Соседство оседлого и кочевого населения создавала достаточно подвижную зону сближения, в том числе, и с точки зрения правовой культуры. Под влиянием как внешних, так и внутренних факторов нормы обычного права перестают использоваться в киргизском (казахском) обществе для решения отдельных категорий судебных дел.

Ханский суд, как институт судебной власти в киргизском (казахском) обществе перестает существовать в 1845 г. После смерти хана Джангира российское правительство упразднило ханскую власть, а все дела подсудные ханскому суду переходят в юрисдикцию Временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой. Другой национальный судебный институт – «народный суд» со временем утрачивает свое право, и престаает использоваться населением. Киргизы (казахи) на рубеже XIX-XX вв. все реже используют нормы обычного права в решении споров и тяжб, предпочитая обращаться к гражданским и уголовным законам Российской империи.

Ключевые слова: фронтир, Астраханская губерния, нижневолжский фронтир, Внутренняя киргизская орда, народные суд, судебная реформа.

Великие реформы 1860-70-х гг. заложили основы и создали условия для проведения сложного реформаторского процесса, затронувшего политическую, экономическую и культурную жизнь России. Одной из сторон этого процесса являлся курс на постепенную унификацию системы управления страной и создания единой бессословной судебной системы на всем ее пространстве. В состав Российской империи на рубеже веков входили разнородные области и регионы, и проведение крупных реформ,

особенно на окраинах страны требовало поиска наиболее приемлемых форм адаптации, выявления специфики социальных отношений и культуры местных обществ.

Российская судебная система во второй половине XIX в. включала в себя системы нерусских областей и регионов, которые имели свои особенности и отличия от общеимперской системы (История судебных учреждений, 2004, стр. 126). Одной из таких территорий являлась Астраханская губерния.

Исторически сложилось так, что Астраханская губерния была местом, где проживали и соприкасались разные этнические группы, народы и культуры встречались и оказывали влияние друг на друга. В англоязычной литературе такие локальные точки, имеющие большую временную протяженность, называются термином «фронтир». Отечественные ученые С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова в своих исследованиях доказывают, что Нижнее Поволжье являлось «типичной фронтальной территорией», частью которой являлась и Астраханская губерния (Якушенков, Якушенкова, 2010, стр.113).

В середине XIX в. в состав губернии входили пять уездов, населенные в основном русским населением, обширные степные пространства Калмыцкой степи заселенные калмыками, а так же земли Внутренней киргизской орды, на которых кочевали киргизы (казахи).

Окраинное положение в пространстве империи, сложность этнического, конфессионально и социального состава губернии, а так же стратегическое положение Астраханской губернии, являвшейся южным форпостом государства, накладывало определенный отпечаток на способы и формы реализации общеимперских реформ в данном регионе. Соседство кочевых народов и оседлого населения играло в этом процессе достаточно важную роль. Следует отметить, что, несмотря на территориальную принадлежность Внутренней киргизской орды к губернии, эта административная единица обладала особым статусом и имела собственный порядок управления, включая и правовую составляющую. После вхождения Орды в состав Российской империи в 1801 г. в киргизском (казахском) обществе активно использовались нормы обычного права, а общеимперские законы, применялись лишь при решении определенных категорий дел, затрагивающих, как привило, государственные интересы. Правительство не спешило кардинально изменять сложившиеся веками устои и порядки, но понимало необходимость включение киргизского (казахского) населения и в экономическую, и правовую жизнь страны.

Соседство оседлого и кочевого населения создавала достаточно подвижную зону сближения, в том числе и с точки зрения правовой

культуры, населения Внутренней киргизской орды с гражданским (жители пяти уездов) и военным (казаки) населением губернии.

Вовлечение этой крупной и внутренне противоречивой административной единицы Астраханской губернии в единое правовое пространство страны и создание здесь бессословной унифицированной системы правосудия стало одной из главных задач государства во второй половине XIX в.

Система судоустройства и судопроизводства киргизов (казахов) после вхождения Орды в состав российского государства стала частью общеимперской судебной системы, сохранив при этом ряд национальных особенностей.

Дела киргизов (казахов) Внутренней киргизской орды, за исключением уголовных дел, рассматривались ханским судом (Харузин, 1889, стр.131). Разбирательству хана подлежали все маловажные дела, включая и кражи на сумму до 30 рублей менее трех раз. Суд над киргизами (казахами) хан производил всегда сам по коренному народному обычаю путем словесного разбирательства в присутствии мулл, султанов и биев. По делам об измене, неповиновении власти, возмущении, побеге за границу, участии в злодеянии, смертоубийстве, делании монеты, похищении казенного и общественного имущества, поджигательстве, насилии, грабеже, баранте и воровстве более тридцати серебряных рублей ордынцы подвергались суду по общим уголовным законам Российской империи (ПСЗ РИ, Т. 14, № 12811, стр. 794). Оренбургский военный губернатор имел право окончательно утверждать приговоры по делам о разбое, убийствах, похищении и продажи людей в рабство (ПСЗ РИ, Т. 12, № 10384, стр. 590).

Присутственные места Астраханской губернии имели право требовать к себе для допросов только тех киргизов (казахов), причастных к уголовным делам, присутствие которых было необходимым. В остальных случаях для сбора показаний ордынцев астраханские чиновники обращались к хану, который имел право «суда и расправы в орде» (ПСЗ РИ, Т. 12, № 9867, стр. 45-46). Это было связано с тем, что вызов ордынцев в присутственные места Астраханской губернии для сбора показаний по частным искам был неудобен ни для киргизов (казахов), ни для самих присутственных мест из-за недостатка переводчиков. В случае если хан не удовлетворял требования по иску, то имеющий претензии мог обратиться в соответствующее присутственное место.

После смерти хана Джангира в 1845 г. ханская власть была упразднена, а Орда была оставлена в подчинении Оренбургского военного губернатора и Оренбургской пограничной комиссии. Для управления киргизами был создан Временный совет, в состав которого вошел на

правах председателя брат покойного хана султан Адиль и три члена совета: два султана и чиновник Министерства государственных имуществ (ПСЗ РИ, Т. 36, № 20885, стр. 20). Временный Совет был наделен судебными функциями, а также являлся административно-полицейским органом. Он имел право решать все дела, которые ранее рассматривал и разрешал хан. В случае если большинство членов Совета не соглашались с мнением председателя, то дела представлялись в Оренбургскую пограничную комиссию.

При разборе судебных дел Совет должен был выносить решения, руководствуясь народным обычаем и традициями киргизского народа. В случае совершения преступления, истец сообщал о данном факте старшину, который мог, если дело незначительное, разобрать его сам, если же преступление было серьезным, то он обязан был донести правителю своей части. Правитель проводил дознание и доносил о нем Совету. Совет передавал дело народному суду. Правитель мог и сам передать дело народному суду и рапортовать об этом Совету, прилагая, как правило, свое мнение о деле. В качестве народных судей выбирались уважаемые пожилые киргизы (казахи) или «почетные старики». Старика в киргизском обществе называли «карт», поэтому нередко упоминание народного суда под именем «суда картов» (Харузин, 1889, стр.130). Число «картов» всегда было нечетным: 3,5,7 и т.д. Каждая сторона выбирала себе «карта», а в случае несогласия их между собой, они выбирали третьего, который должен был решить спор. Н.А. Харузин, отмечал, что, несмотря на то, что телесные наказания были отменены российским судопроизводством по итогам судебной реформы 1864 г., «суд картов» мог приговорить виновного к ударам плетью.

Киргизы так же могли дать официальный ход делу и решать его через Совет по управлению Внутренней киргизской ордой. После передачи заведывания Внутренней киргизской ордой в 1862 г. из ведения Министерства государственных имуществ в Министерство внутренних дел, состав Совета был изменен. Он состоял из председателя, советника из русских чиновников и советников из ордынцев. Председатель назначался как из гражданских, так и из военных чинов министром внутренних дел по представлению астраханского губернатора. Таким же порядком назначался и советник из русских чиновников, а члены Совета из ордынцев назначались астраханским губернатором преимущественно из киргизов (казахов), окончивших курс в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, по представлению председателя.

В 1876 г. Внутренняя киргизская орда была изъята из ведомства Оренбургского генерал-губернатора и подчинена ведению начальника Астраханской губернии. Судебную часть решено было оставить в ведении

Тургайского областного правления и управляющего ордой Временного совета до проведения судебной реформы 1864 г. на территории Внутренней орды (ПСЗ РИ, Т. 51, № 56220, стр. 73).

7 апреля 1879 г. Внутренняя киргизская орда была изъята в судебном отношении из ведения Тургайского областного правления и передана в ведомство Астраханской палаты уголовного и гражданского суда (ПСЗ РИ, Т. 54, № 53490, стр.303).

В 1878 г. на территории Астраханской губернии были начаты мероприятия по введению мировых судов, что стало первым этапом реализации судебной реформы 1864 г. Перед правительством возникла серьезная проблема, как осуществить безболезненно унификацию органов судебной власти одновременно на всей территории губернии. В результате реализации судебной реформы 1864 г. во Внутренней киргизской орде решено было отложить и осуществить отдельно, для чего требовалось разработать специальный проект, учитывающий особенности социальных отношений киргизов (казахов), администрация должна была принимать во внимание их специфику, учесть конфессиональную принадлежность населения при организации судопроизводства. Активно начал обсуждаться вопрос о сохранении народных судов и наделение их функциями мировой юстиции

Однако многочисленные экспедиции министерских и губернских чиновников в Орду показали, что к этому времени (конец XIX в.) народные суды в киргизском (казахском) обществе перестают выполнять свои функции института судебной власти и теряют свое значение. Киргизы (казахи) перестают обращаться к «суду картов» для решения своих споров и тяжб, все чаще придавая делу официальный ход, посредством решения его в Совете по управлению Внутренней киргизской ордой или губернских судебных учреждениях.

Состав Временного совета после передачи Орды в судебном отношении в ведение астраханского начальства остался прежним, но в случае несогласия большинства членов Совета с председателем, судебные дела представлялись в Астраханскую палату уголовного и гражданского суда, а в последствие в Астраханский окружной суд, а административные – астраханскому губернатору (ГААО, Ф. 204, Оп. 1, Д. 3014, Л. 24 об - 25).

Следствие велось разными должностными лицами (управляющими разными частями орды, полицмейстером ханской ставки, советниками Временного совета и т.д.) без соблюдения форм судопроизводства (РГИА, Ф. 1405, Оп. 93, Д. 10951, Л. 106.).

Рассмотрение дела в Совете происходило в присутствии истца, ответчика и их свидетелей. В связи с тем, что ордынцы в основной своей массе не знали русского языка, а чиновники, назначаемые правительством,

не знали киргизского языка, на заседаниях Совета должен был присутствовать переводчик. Ордынцев, хорошо знавший русский язык, практически не было, поэтом часто переводчики-киргизы заменялись русскими казаками, которые подолгу службы, хоть и не владели киргизским (казахским) языком, но могли на бытовом уровне изъясняться с ордынцами. В большинстве случаев Совет выносил необъективные решения только потому, что переводчики или подкупались, или просто неверно переводили. Чиновники Министерства Внутренних дел предпочитали решать дела, опираясь на общие уголовные и гражданские законы Российской империи, в соответствии с общеимперским законодательством решались дела и в губернских судебных органах.

Несмотря на это, киргизы в конце XIX века все чаще предпочитали решать все свои дела, именно через Совет. Эта странная ситуация, объяснялась тем, что в силу обремененности Совета многочисленными функциями, а так же незнание русскими чиновниками киргизского языка и норм обычного права приводили к тому, что официальный ход дела создавал возможность различных кляуз, обманов, фальшивых прошений и т.д. Так, например, киргиз (казак), мог отдать за сходную цену свою жену соседу, а затем через несколько лет официально требовал развода, и разводную плату с любовника жены. В случае обращения к народному суду обман сразу же открывался, а при разбирательстве дела в Совете он мог выиграть дело. Кляузы и доносы писались сотнями и касались, как правило, развода, угона скота и земельных споров.

Другой причиной, упадка народных судов было то, что из-за родовой вражды они утратили свое право. В результате, все чаще киргизы обращались к мусульманскому праву (шариату). Данное обстоятельство вызывало беспокойство у Министерства юстиции, так как сосредоточение судебной власти в руках лиц духовных, было неприемлемо для пореформенной судебной системы Российской империи подрывало авторитет государства, выступавшего в лице должностных лиц Совета.

Разработка и согласование многочисленных проектов по введению судебной реформы 1864 г. для киргизского (казахского) населения заняла десятилетия, а в итоге судебные преобразования не коснулись Внутренней киргизской орды и порядок решения судебных дел, утвержденный в 1845 г. просуществовал до 1917 г.

Таким образом, на рубеже XIX –XX вв. нормы обычного права перестают использоваться киргизами (казахами) в решении судебных дел. Применение общеимперских уголовных и гражданских законов уже не ограничивалось только узким перечнем дел и все шире использовалось в киргизском (казахском) обществе, что было обусловлено рядом причин как внутреннего, так и внешнего характера. Народный суд утрачивает свое

право, а главная функция судебной власти – осуществление правосудия постепенно сосредотачивается в руках Совета по управлению Внутренней киргизской ордой и губернских судебных органов.

Библиографический список:

1. *ГААО (Государственный архив Астраханской области)*. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3014.
2. *История судебных учреждений (2004). Сборник обзоров и рефератов*. М.: ИНИОН РАН.
3. *ПСЗ РИ. (полное собрание законов Российской империи) (1838)* Собрание 2-е. Т. 12. № 9867. СПб.:
4. *ПСЗ РИ. (1838)* Собрание 2-е. Т. 12. №. 10384. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
5. *ПСЗ РИ. (1840)* Собрание 2-е. Т. 14. № 12811. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
6. *ПСЗ РИ. (1863)* Собрание 2-е. Т. 36. № 20885. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
7. *ПСЗ РИ. (1878)* Собрание 2-е. Т. 51. № 56220. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
8. *ПСЗ РИ. (1880)* Собрание 2-е. Т. 54. № 53490. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
9. *РГИА (Российский государственный исторический архив)*. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10951.
10. Харузин, А.Н., (1889) *Киргизы Букеевской орды. (Антрополого-этнографический очерк). Выпуск второй*. М.: Типография А.А. Левенсон и Со.
11. Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О.С. (2010) Американский фронт и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге. Каспийский регион: политика, экономика культура №1 (22), стр. 109-114.

JUDICIAL INSTITUTIONS OF THE INNER KYRGYZ HORDE OF THE LOWER VOLGA FRONTIER

Chernik M. V.

Chernik Maria Vladimirovna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatishcheva, 20a . E – mail: chernik-max@mail.ru

This article analyzes organization and functioning of institutes of judicial authority in Inner Kyrgyz horde after its entry into the Russian Empire.

The judicial system and legal proceedings of Kyrgyz (Kazakhs) after entry of the Horde into the Russian state became part of the all-imperial judicial system, having kept at the same time a number of national peculiarities. During gradual strengthening of the state control, the judicial status of this territory changed: from a relative autonomy of local judicial bodies to complete control over judicial system and legal proceedings exercised by the central imperial government. The main function of the judiciary - the administration of justice gradually concentrated in the hands of the officials of the Russian Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Justice.

The fact that the settled and nomadic population of the Empire lived in close proximity created a mobile zone of rapprochement, including the legal cultural traditions. Under the influence of both external and internal factors the traditional Kazakh regulations of the common right were no more used in the Kyrgyz (Kazakh) society to solve certain types of legal cases.

The Khan's High Court, as an institution of the judicial power in the Kyrgyz (Kazakh) society ceases to exist in 1845. After the death of Khan Jahangir Russian government abolished the Khan's power and jurisdiction of all cases; the Khan's court passed its jurisdiction to the Provisional Council of the Office of Internal Kirghiz horde. Another National Judicial Institute - "People's Court" eventually lost its rights, and people stopped applying to it. At the turn of XIX-XX centuries Kirghiz (Kazakhs) seldom used customary law in resolving disputes and litigation, preferring to refer to the civil and criminal laws of the Russian Empire.

Keywords: frontier, Astrakhan Province, Lower Volga frontier, Inner Kyrgyz horde People's Court, the judicial reform.

References:

1. GAAO (State Archives of the Astrakhan region). F. 204. Op. 1. D. 3014.
2. The history of judicial institutions (2004). Collection of reviews and abstracts. M.: INION.
3. The COR RI. (Complete Collection of Laws of the Russian Empire) (1838) The meeting of the 2nd. T. 12. № 9867. SPb.:
4. COR RI. (1838) 2nd Meeting. 12. T.12 №. 10384. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
5. The COR RI. (1840) 2nd Meeting. T. 14. № 12811. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
6. The COR RI. (1863) 2nd Meeting. T. 36. № 20885. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
7. The COR RI. (1878) Collection 2-ET. 51. № 56220. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
8. The COR RI. (1880) 2nd Meeting. T. 54. № 53490. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
9. RSHA (Russian State Historical Archives). F. 1405. Op. 93. D. 10951.

10. Kharuzin, A.N (1889) Bukeyev Kirghiz hordes. (Anthropological and ethnographic sketch). Release of the second. Moscow : A. A. Levenson's Publishing House.
11. Yakushenkov, S.N & Yakushenkova, O.S (2010) The American frontier and the Russian counterparts in the Volga region and the Lower Volga. The Caspian region: politics, economy culture No. 1 (22), pp. 109-114.